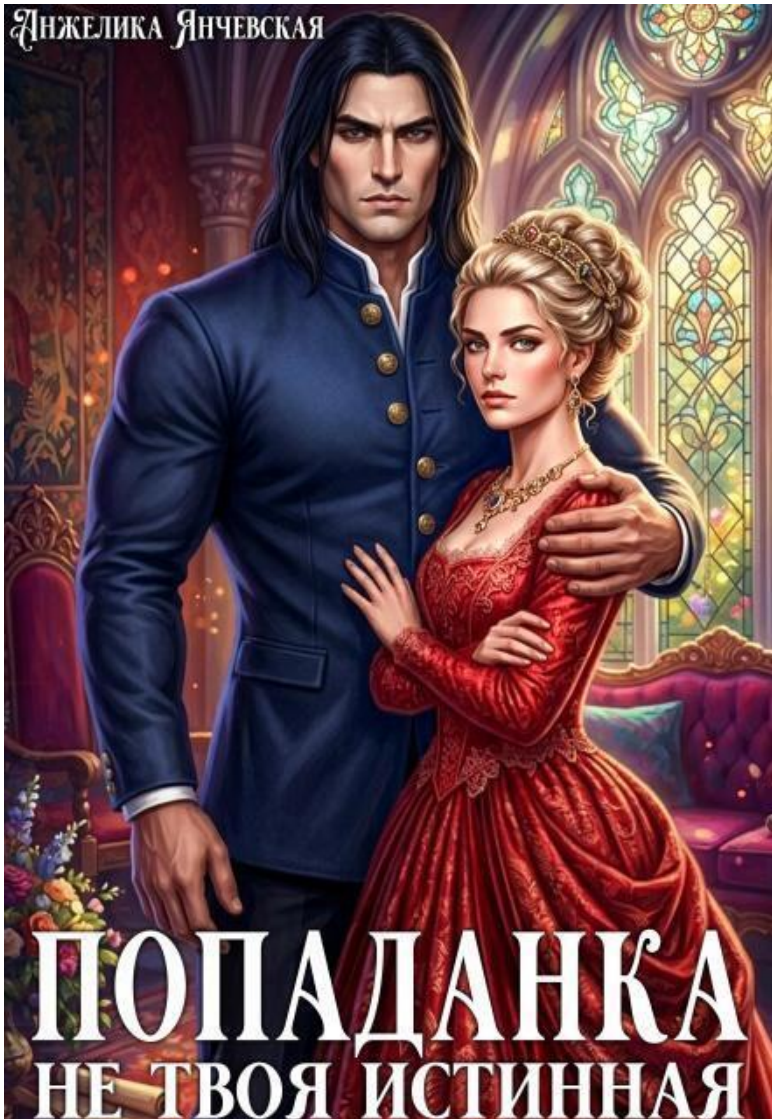

Анжелика Янчевская

ПОПАДАНКА
НЕ ТВОЯ ИСТИННАЯ

Анжелика Янчевская

Попаданка. Не твоя истинная

<https://litres.ru/74204887>

Аннотация

Я очнулась в мире, где люди мусор, а за искру магии убивают. Теперь я прислуга двух могущественных братьев. Один однажды уже покалечил это тело. Второй держит меня при себе, сгорая от ненависти и пугающей одержимости жалкой человечкой. Каждый хочет заполучить меня. Но лорды не знают, кто я на самом деле. И их гордыня обойдется им слишком дорого.

Содержание

1	4
2	8
3	13
4	17
5	23
6	28
7	34
8	38
9	43
10	48
11	53
12	58
13	62
14	66
15	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

1

Холод пробирал до самых костей.

Первый же вдох обжѣг лёгкие. В нос ударил едкий запах плесени и ржавчины. На пересохших губах — тошнотворный металлический привкус крови.

Я попыталась пошевелиться, позвать на помощь, но из горла вырвался лишь сдавленный сип. Спина вспыхнула так, что в глазах потемнело. Малейшее движение отзывалось в мозгу вспышкой боли.

Я лежала на грязном каменном полу тесной кладовой, зажатая между какими-то мешками и сломанными ящиками. Грубая серая ткань простого платья была изодрана в клочья и задрана почти до груди.

Дрожащей, непослушной рукой я скользнула вниз. Пальцы наткнулись на липкую, подсыхающую влагу. Медленно, с замиранием сердца, я подняла руку к лицу. В тусклом свете на пальцах отчётливо виднелась кровь.

Бёдра покрывали страшные багровые рубцы. А выше... Низ живота сводило пульсирующей болью, от которой темнело в глазах и к горлу подкатывала желчь. Внутри всё горело.

Мне, девятнадцатилетней студентке, не нужно было объяснять, что именно со мной произошло. Но как?! Я же просто шла домой с практики... А очнулась здесь. Я не понима-

ла, где нахожусь и как сюда попала. Осознавала лишь одно: со мной сотворили нечто чудовищное.

Я не знала, за что, и кто тот садист, что устроил этот кошмар. Горло сдавило. Из глаз хлынули горькие слёзы, обжигая грязные щёки. В свои девятнадцать лет я ни разу не была с мужчиной, берегла себя для настоящих чувств. А теперь... моим «первым» оказался какой-то безжалостный маньяк, что растоптал меня, растерзал и швырнул на этот каменный пол умирать. От осознания хотелось быть в голос. Но я выжила. Каким-то немыслимым чудом я всё ещё дышала.

Скрипнули несмазанные железные петли. Узкая полоска света разрежала полумрак кладовой. Я замерла, задержав дыхание.

— Лия? — раздался испуганный женский шёпот.

В тесное помещение метнулась тень в чепце и фартуке. Увидев меня на полу, девушка бросилась ко мне, не заботясь о том, что стирает колени о жёсткие камни.

— Боги милосердные... Лия, девочка моя, ты дышишь! — Она трясущимися руками коснулась моего перепачканного кровью лица.

Я попыталась спросить, кто она, но пересохшее горло выдало лишь булькающий хрип.

— Молчи, молчи, умоляю, — запричитала незнакомка. Она торопливо и осторожно одёрнула остатки платья вниз, чтобы прикрыть мою наготу. И тут её взгляд упал на исполованные ноги.

Девушка побледнела. В глазах застыли слёзы.

— О боги всемогущие... Он ведь не просто избил тебя, да? Он...

Она зажала рот обеими руками, подавляя всхлип. Я прикрыла глаза. От звуков её голоса в голове вспыхнула пульсирующая боль. К тому же я не понимала, к кому она обращается. Какая ещё Лия? Меня зовут Светлана! Наверное, девушка просто перепутала меня со своей знакомой.

— Я же говорила тебе! — горячо зашептала она. — Как только лорд Кэрриан на тебя так взглянул вчера на кухне, я сразу почувствовала что-то страшное! В его глазах была такая тьма... Тебе ещё вчера надо было бежать из замка, бросить всё и бежать! Для таких драконов, как он, мы — просто кусок мяса!

Лорд Кэрриан. Имя резануло по сознанию. Я понятия не имела, кто именно сотворил со мной этот кошмар, но мысленно сделала зарубку: этого лорда Кэрриана нужно опасаться и обходить десятой дорогой. Но стоп. Лорд? Драконы? Какие ещё, к чёрту, драконы?! Куда я вообще попала?!

— Нам нужно уходить. Сейчас же, — девушка нервно оглянулась на приоткрытую дверь, за которой сгушался мрак коридора. — Если стража увидят... нам обоим конец. Увечных служанок здесь не держат. Давай, опирайся на меня.

Каждый шаг по ледяным каменным плитам казался пыткой. В замке стояла глухая тишина, прерываемая лишь нашим шарканьем и моим сбитым дыханием. Грубая ткань

немилосердно царапала исполосованное тело, но я заставляла себя переставлять ноги.

Когда мы наконец ввалились в крошечную каморку без окон, я рухнула на жёсткий соломенный тюфяк в углу.

— Сейчас, сейчас, я запру дверь и достану воду, — засуетилась моя спасительница, задвигая тяжёлый железный засов. — У меня тут припрятаны чистые тряпицы и мазь, она щиплет, но кровь остановит... Никто ничего не узнает.

Она метнулась в тёмный угол каморки, вытащила небольшой таз с водой и принялась торопливо смачивать тряпку. Я прикрыла глаза, позволяя себе наконец сделать нормальный вдох.

И в этот момент в хлипкую деревянную дверь с оглушительным грохотом ударил тяжёлый кулак.

— Открывай! — раздался по ту сторону грубый мужской бас.

Всё внутри оборвалось. Тело отказывалось повиноваться. Я зажмурилась.

Но Мира, замершая было с мокрой тряпкой в руках, вдруг шумно выдохнула. Напряжение, сковавшее её плечи, разом спало.

— Слава богам... — прошептала она и торопливо повернулась ко мне. — Всё в порядке, Лия, не бойся. Это дядюшка Борг... старший надсмотрщик.

Она метнулась к двери, на ходу приглаживая растрепавшиеся волосы. Заскрежетал железный засов, и створка распахнулась.

В каморку тяжело шагнул грузный, широкоплечий мужчина. Одежда на нём была чистая и опрятная, а вместе с ним в воздухе разлился едва уловимый запах жёсткой кожи и лёгкого дыма.

— Ты почему на кухню не вышла, девка? — по-доброму рывкнул он. — Смена началась четверть часа назад! Думаешь, раз лорд Кэрриан изволил отбыть в город развлекаться, так можно...

Борг осёкся на полуслове. Его взгляд упал на меня — на изодранное платье, таз с красной водой, окровавленные тряпки. Вся его напускная суровость слетела в одно мгнове-

ние.

— Матерь божья... — надсмотрщик побледнел и тяжело осел на приземистый деревянный табурет у входа. — Лия, девочка моя... Кто же это с тобой сотворил?

Мира всхлипнула, зажав рот руками. Борг тяжело вздохнул, потёр мозолистой ладонью заросшее щетиной лицо. Ему не нужны были слова, чтобы всё понять.

— Лорд Кэрриан, — глухо констатировал он, сжав огромные кулаки так, что побелели костяшки. — Будь он проклят... Как она, выживет?

— Держится, дядюшка Борг, — дрожащим голосом ответила Мира, опускаясь на колени рядом со мной. — Но ей отлежаться надо. Раны страшные.

Борг решительно кивнул и посмотрел на меня. В его взгляде было столько сочувствия, что к горлу подкатил ком.

— Приходи в себя, девочка. Договоримся и подменим тебя, — голос его звучал на удивление тепло. — Я скажу старшей горничной, что ты слегла с болотной лихорадкой. А тебя, Мира, переведу на дальнее крыло убирать золу. Там стража лордов не ходит, и времени свободного побольше. Выживай бедолагу.

Мира подняла на него заплаканные глаза.

— Да, дядюшка Борг... Спасибо вам огромное... — горячо зашептала она.

— Но чтоб ни звука за пределами этой каморки! — строго добавил Борг, нахмутив густые брови. — У нас, людей, нет

никаких прав в спорах с драконами. Узнают, что мы прячем ту, кого лорд приговорил, — на куски порвут весь нижний двор. Поняли меня?

— Поняли, дядюшка Борг.

— Мы друг за друга горой, иначе здесь просто не выжить, — глухо отозвался он. Сапоги тяжело развернулись и застучали к выходу. Хлопнула дверь.

Мира не шевелилась ещё с минуту, прислушиваясь к удаляющимся шагам. А потом выдохнула.

— Слава богам. Борг строгий, но справедливый. Своих не сдаёт, — прошептала она и снова потянулась к тазу с водой. — Потерпи, Лия. Сейчас будет очень больно. Но если не промыть раны и не наложить мазь — начнётся заражение. И тогда тебя уже ничто не спасёт.

Она не преувеличивала. Когда влажная ткань коснулась растерзанной спины, тело выгнулось само — пальцы впились в тюфяк, из лёгких выбило остатки воздуха. А когда Мира начала втирать в рубцы густую мазь, пахнущую дёгтем и горькими травами, мир перед глазами окончательно померк.

Кажется, я кричала, но из горла не вырвалось ни звука. А потом я просто провалилась в темноту.

Я не знала, сколько дней провела в лихорадочном бреду.

Реальность смешалась с кошмарами. Временами я приходила в себя, чувствуя, как Мира вливает мне в рот горькие отвары и осторожно меняет повязки. Она уходила на смены, возвращалась глубокой ночью, измотанная, падала на пол

рядом с моим тюфяком и спала урывками. Иногда в каморку заглядывали другие служанки — тихо перешёптывались, оставляли куски хлеба, похлёбку или чистые бинты и быстро уходили.

В моменты просветления я пыталась собрать мозаику. Меня звали Светлана. Мне было девятнадцать. Я училась на архитектора, любила крепкий кофе и смеяться с подругами. А теперь я — Лия. Бесправная человеческая прислуга в замке, полном жестоких, высокомерных существ. Драконов.

Как я тут оказалась? Что это за мир? Вопросы без ответов роились в голове, не давая покоя.

В те редкие часы, когда лихорадка отступала, я пробовала вставать. Опираясь о холодную стену каморки, добиралась до маленького мутного зеркала. И каждый раз сердце замирало. Оттуда на меня смотрела не Светлана. Из зазеркалья испуганно таращилась изможденная бледная незнакомка моего возраста — огромные тёмные глаза, спутанные светлые волосы. Я окончательно поняла: я попала в чужой мир.

Каким-то непостижимым образом меня занесло в это тело. Что стало с моей прошлой жизнью? Жива ли я там, на Земле? И главное — как вернуться? Иногда я отчаянно надеялась, что всё это — просто долгий кошмарный сон, от которого я вот-вот проснусь. Но боль в спине каждый раз доказывала обратное. Светланы больше нет. Есть только Лия.

Мазь Миры, пахнувшая травами и дёгтем, сделала своё дело — тело приходило в порядок на удивление быстро. Когда

жар окончательно спал, оставив звенящую слабость и стянутые свежими рубцами раны, я открыла глаза и смогла нормально сесть на тюфяке.

Уважаемые читатели!
Если вам понравилась книга, я очень этому рада . В этом случае поставьте, пожалуйста, лайк . Ну, а если ещё и добавите в библиотеку и напишете коммент, я буду на седьмом небе от счастья, а прода будет писаться ещё быстрее. Подпишитесь, пожалуйста, на мою страничку, чтобы быстрее всех узнавать о новостях и обновлениях: <https://litnet.com/shrt/27w8>

Мира сидела на полу, штопая при свете огарка свечи какой-то мешок. Услышав мой вздох, она вскинула голову. В её глазах промелькнуло такое облегчение, что у меня защемило сердце.

— Очнулась... Слава богам, очнулась, — она бросилась ко мне, поднося к губам кружку с прохладной водой. — Пей понемногу.

Я жадно сделала несколько глотков. Горло саднило, но я впервые за все эти дни смогла говорить.

— С-спасибо... — прохрипела я, не узнавая собственный голос. — Меня искал кто-нибудь?

— Как Борг и обещал, он всё уладил. Сказал старшей горничной, что ты слегла с тяжёлой болотной лихорадкой, — вздохнула Мира. — Жалование за прошлый месяц, конечно, удержали за эти дни. И порцию еды урезали... Но ты не переживай! Девчонки с кухни тайком передают нам объедки, так что с голоду не умрём. Главное — ты пришла в себя. А лорд Кэрриан тем же днём уехал в город, так до сих пор и не вернулся.

— Мира... — я осторожно коснулась её руки. Голова раскалывалась, мысли путались. — У меня всё как в тумане. Я будто часть памяти потеряла после тех побоев... Напомни мне, у кого мы служим? Что это за место? Кто так со мной

обошёлся? Если здесь так плохо, почему мы не уйдём?

Мира вздрогнула, выронив иглу. Посмотрела на меня с такой жалостью, что мне стало не по себе.

— Бедная ты моя... — она тяжело вздохнула и, нервно теребя край передника, понизила голос почти до шёпота. — Значит, и правда голова пострадала. Слушай и запоминай, Лия. Мы в столичном замке рода Горнэр. Главный здесь лорд Кассиан, правая рука самого короля. Старый дракон суров, но он почти всегда во дворце повелителя по роду службы. А заправляют тут его сыновья — два брата от разных матерей. Лорд Кэрриан и лорд Рейгар. Обоим по тридцать пять лет, а всё власть делят, терпеть друг друга не могут...

Мира замаялась, её пальцы судорожно сжали грубую ткань фартука.

— А насчёт того, кто это сделал... — она отвела глаза. — Лия, ты ведь сама всю последнюю неделю жаловалась, что лорд Кэрриан тебе прохода не даёт. Постоянно цеплялся, заставлял прислуживать именно ему, давал какие-то странные поручения. Ты дрожала и говорила, что он смотрит на тебя как обезумевший хищник... что в его глазах разгорается больное пламя, а радужка полностью затапливается чёрным. А в тот вечер лорд Кэрриан приказал тебе идти за ним. Сказал, что ты должна прибраться в его покоях. Хотя мы обе знаем, что его комнаты закреплены за старой Мартой, и тебе там делать было нечего! Это был предлог, понимаешь? Больше тебя никто не видел, пока я не нашла тебя. Избитую

и брошенную помирать. Это был он, Лия. Точно он. Остерегайся его больше смерти. Если он узнает, что ты выжила...

Она не договорила. Но я и так всё поняла.

— А второй? — прохрипела я. — Лорд Рейгар? Он такой же?

— Рейгар... — Мира задумалась. — Он другой. Холодный. Людей на дух не выносит, считает нас пустым местом, грязью под сапогами. Он не станет марать руки о прислугу ради забавы, как Кэрриан, но если встанешь у него на пути — раздавит и не заметит. Оба страшные, Лия. Драконы — это высшие существа, у них магия и сила, а у нас, людей, нет никаких прав.

Мира посмотрела мне прямо в глаза.

— Но запомни: мы, люди, здесь друг за друга горой. Мы бесправны перед лордами, но мы никогда не бросаем своих. И Борг, и кухарки, и прачки — все мы одна семья. Вспомни, как мы с тобой выживали в приюте, в человеческих трущобах? Как сбежали оттуда, чтобы не сгнить заживо? Нам тогда повезло, что нас взяли служанками в этот замок. Нам платят, у нас есть крыша над головой. А за стенами замка людидохнут от голода на улицах.

Я молча слушала её, и последние обрывки надежды на спасение таяли с каждым словом.

— Но знаешь, — Мира вдруг подалась вперёд, и голос её стал едва различимым, — шепчутся, что далеко отсюда, в глухих лесах, прячутся те, кто восстал против драконов. У

них там свои поселения. Свободные. Куда лордам нет хода.

— И это правда? — моё сердце забилося чаще.

— Не знаю, — честно призналась она. — Может, сказки. Может, нет. Но люди верят. И мне хочется верить тоже.

Лия. К этому имени придётся привыкнуть.

— Кэрриан сейчас уехал в город, — добавила Мира. — Скорее всего, развлекается в кабаках, его загулы всегда на долго. У нас есть немного времени, чтобы поставить тебя на ноги.

Я смотрела в тёмный каменный потолок каморки. Мира уже спала, свернувшись на полу рядом с тюфяком. Она сказала — в глухих лесах прячутся свободные люди. Далеко. Но они есть.

Я попыталась сжать кулак. Пальцы не слушались. Я сжала их всё равно — медленно, по одному.

Сначала — встать на ноги. Потом — выучить этот замок. А потом, мы посмотрим.

Первое утро на ногах началось с ведра ледяной воды и жёсткой щётки.

— Вот, — Мира сунула мне в руки деревянную рукоять, отполированную сотнями чужих ладоней. — Это твоё. Береги, новую не дадут. А тряпки бери в кладовой у лестницы, но не больше трёх за раз, Агнес считает.

Агнес, старшая горничная, оказалась сухой жилистой женщиной с узлом седых волос и взглядом, от которого хотелось вытянуться по стойке смирно. Она оглядела меня с ног до головы, задержавшись на моём лице чуть дольше, чем нужно.

— Оклемалась, значит, — констатировала она без всякого выражения. — Третий этаж, западное крыло. Коридор от лестницы до оружейной. Полы, подоконники, канделябры. К полудню чтобы блестело. Вопросы?

— Нет, госпожа Агнес.

— Просто Агнес. «Господа» здесь только драконы.

Она развернулась и ушла, цокая каблуками по камню. Мира проводила её взглядом и тихо выдохнула.

— Могло быть хуже. Западное крыло тихое, лорды там почти не появляются. Борг, наверное, попросил.

Я кивнула. Подняла ведро и едва не выронила. Руки тряслись. Рубцы на спине натянулись, послав вверх по позвоноч-

нику тупую ноющую волну. Я стиснула зубы и перехватила ручку покрепче.

Ничего. Справлюсь. Я сдавала сопромат на четвёрку, пережила три сессии подряд и однажды собрала шкаф из Икеи без инструкции. Подумаешь, средневековый замок. Подумаешь, драконы.

Правда, шкаф потом развалился. Но это детали.

Западное крыло встретило меня гулким холодным полумраком.

Коридор тянулся, казалось, бесконечно: серый камень стен, узкие стрельчатые окна, сквозь которые сочился блёклый утренний свет. Пыли здесь было столько, что при каждом движении щётки в воздух поднимались мелкие серые облачка.

Я опустилась на колени. Рубцы на бёдрах тут же отозвались жгучей болью. Мокрая тряпка, отжать, провести, снова в ведро. Ледяная вода кусала потрескавшиеся пальцы. Вперёд, назад, вперёд, назад. Монотонно, тупо, бесконечно.

Через час спина горела так, что приходилось останавливаться и дышать сквозь стиснутые зубы, пережидая приступы. Колени саднили. Ногти на правой руке обломались о камень. Но я ползла дальше по этому проклятому коридору, сантиметр за сантиметром.

К середине утра мимо прошла девушка с охапкой свежего белья. Невысокая, круглолицая, с россыпью веснушек на

курносом носу. Она замедлила шаг, посмотрела на меня и я увидела в её глазах молчаливое сочувствие. Без вопросов и лишних слов.

— Держи, — она вытащила из-под стопки белья маленький свёрток, завернутый в чистую тряпицу, и положила на подоконник рядом со мной. — Там лепёшка и кусок сыра. Ешь, пока Агнес не видит.

— Спасибо, — я даже не успела спросить, как её зовут.

— Не помнишь меня? Я Нелла, — бросила она уже на ходу. — Из прачечной. Если что, мы на нижнем этаже, за кухней. Заходи.

Не помнишь. Значит, Мира рассказала остальным про мою «потерю памяти». Умница.

Я развернула свёрток. Лепёшка была ещё тёплой. Откусила и на секунду зажмурилась. Какая ерунда, казалось бы, кусок хлеба. Но после нескольких дней жидкой похлёбки и сухих корок, это было как целый праздник.

Я жевала медленно, заставляя себя не глотать кусками. Разглядывала серые стены коридора, пыльные канделябры, паутину в углах. Этот замок огромный. Десятки коридоров, лестниц, залов. Здесь можно прятаться годами.

А можно изучать.

К полудню я добралась до конца коридора. Плечи ныли, колени были стёрты до красноты, а пальцы так задубели от ледяной воды, что я с трудом разжимала кулак. Но пол за спиной блестел.

На обратном пути я столкнулась с Мирой. Та тащила корзину с золой, перепачканная с ног до головы.

— Живая? — Мира придиричиво оглядела меня.

— Живая, — я показала стёртые ладони. — Но если этот коридор окажется бесконечным, я подам жалобу архитектору.

Мира фыркнула, прикрыв рот грязной ладонью.

— Какому архитектору? Его лет триста как сожгли. За то, что лестница в северной башне скрипела.

Я уставилась на неё. Мира даже не моргнула.

— Шучу. Наверное. Здесь никто точно не знает.

Мы спустились на кухню. Огромное гулкое помещение с низким закопчённым потолком и тремя каменными очагами, в которых потрескивал огонь. Жар стоял такой, что я почувствовала его ещё на лестнице. Пахло хлебом, варёной репой и чем-то мясным.

За длинным дубовым столом обедала прислуга, человек десять, в основном женщины. При нашем появлении разговоры не смолкли, но на длинных деревянных лавках молча потеснились, освобождая место. Грузная повариха с красным распаренным лицом без слов, с глухим стуком поставила передо мной миску густой похлёбки и положила рядом кусок серого хлеба.

— Спасибо, — сказала я.

Повариха кивнула. Не улыбнулась, не сказала ни слова. Но порция в миске была заметно больше стандартной.

Никто не задавал вопросов, никто не смотрел в глаза — уставшие, тусклые взгляды скользили мимо, упираясь в щербатые столешницы. Женщины ели торопливо, низко опустив головы, словно боясь, что скудную порцию в любой момент могут отнять.

Мира опустилась рядом и жадно набросилась на еду.

— Ешь давай, — буркнула она с набитым ртом, не поднимая глаз. — После обеда ещё два северных коридора отмывать.

Я послушно взялась за ложку. Похлебка оказалась жидкой и пресной, но от её спасительного жара, скользнувшего в пустой желудок, по телу разлилось блаженное тепло. Оно добралось до онемевших, стертых пальцев, до сбитых ноющих коленей. В носу предательски защипало от подступивших слёз, и я поспешно склонилась над миской, пряча лицо за упавшими прядями волос.

Напротив с тихим вздохом плюхнулась рыжая девчонка с россыпью бледных веснушек. Она потянулась к краю стола и принялась торопливо пилить горбушку маленьким затупившимся ножом. Лезвие неожиданно соскользнуло, с влажным хрустом полоснув по её раскрытой ладони.

Девчонка зашипела сквозь зубы и резко отдернула руку. На бледной коже мгновенно набухла глубокая багровая полоса, и густая кровь тяжелыми каплями побежала по тонким пальцам, пачкая стол.

Я подалась вперёд, уже открыв рот, чтобы предложить

помощь или позвать лекаря, но не успела издать ни звука. Но Мира меня пиннула под столом, а Рыжая судорожно перехватила кровоточащий порез здоровой рукой, болезненно поморщилась и торопливо спрятала окровавленную ладонь под стол.

Прошло не больше минуты. Незнакомка потянулась за своей деревянной кружкой пострадавшей рукой. Мой взгляд невольно упал на её ладонь. И дыхание перехватило.

Абсолютно чистая кожа. Ни глубокого пореза, ни свежего шрама, ни единой капли крови. Я часто заморгала, отгоняя наваждение, и напряженно всмотрелась снова. Ничего. Поверхность ладони была гладкой, словно острое лезвие её никогда не касалось.

Заметив мой пристальный, ошеломленный взгляд, девочка вздрогнула. Бледные щёки под веснушками залил пунцовый румянец дикого испуга. Она затравленно оглянулась, будто совершила страшное преступление, резко вскочила с лавки и бросилась прочь из кухни, так и не притронувшись к своей порции.

После обеда я вернулась на третий этаж, но уже в другое крыло, восточное. Этот коридор был уже и темнее, с тяжёлыми дубовыми дверями по обеим сторонам. Гостевые покои. Мира говорила, что они пустуют большую часть года, и пыль здесь копилась неделями.

Я открыла одну из дверей. Просторная комната встретила меня холодом и запахом нежилого пространства: кровать под запыленным балдахином, камин с серой золой. Я подошла к окну и принялась протирать подоконник, стараясь выкинуть из головы странную сцену на кухне.

Мгновенно затянувшийся порез на руке рыжей девчонки не давал мне покою. Я ведь видела кровь. Видела глубокую рану. Такого не бывает.

За спиной слышались быстрые, дробные шаги. Дверь резко хлопнула, и в комнату влетела она.

Та самая девчонка. Совсем молоденькая, лет пятнадцати, худенькая, с рыжими косичками и россыпью веснушек на перепуганном лице. В руках она судорожно сжимала глиняный кувшин с отбитым краем. Пальцы её на глине побелели.

— Ой, — она замерла, увидав меня, и в её глазах мелькнул дикий, почти животный ужас. Явно больший, чем полагалось при виде другой служанки. — Я... я думала, тут никого.

Я медленно опустила тряпку. Мой взгляд помимо воли

скользнул к её правой ладони, сжимавшей кувшин. Чистая. Ни следа от ножа.

— Я убираюсь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Девчонка нервно оглянулась на дверь, словно ожидая погони, потом снова уставилась на меня. Нижняя губа у неё дрожала. Она загнанно перевела дыхание и вдруг спросила:

— Ты ведь Лия, да? Которая болела?

Я кивнула.

Она помялась ещё секунду, борясь с собой, потом решительно сделала шаг внутрь и прикрыла за собой дверь, отрезая нас от коридора.

— Я Тесса. С кухни. — Она говорила быстро, глотая окончания слов. Взгляд её метался по моему лицу. — Я тебе лепёшки носила тайком, когда ты лежала совсем плохая. Мира говорила, что ты можешь не вспомнить, но я правда носила.

— Спасибо тебе за них, Тесса, — сказала я искренне. — Правда. Спасибо.

Она густо покраснела, замотала головой, и напряжение, сквозившее в её фигуре, немного спало. Вдруг, без всякого перехода, она шагнула к подоконнику и с глухим стуком поставила кувшин.

У него был отбит край. Глубокая трещина змеилась через всё дно, и из неё уже сочилась мутная вода, звонкими каплями разбиваясь о каменный пол.

— Агнес убьёт, — Тесса шмыгнула носом, и её голос по-

ехал, срываясь на плач. — Это из парадного сервиза лорда Рейгара. Я уронила, когда бежала в кладовую... Если увидят, вычтут из жалования за три месяца. А у меня мать больная в деревне, я ей каждый медяк отправляю, каждый...

Её голос сломался окончательно. По веснушчатым щекам покатались крупные слёзы, и она принялась вытирать их кулаком, сердито, по-детски горько.

Я посмотрела на кувшин. Трещина скверная, глина крошилась под пальцами. В прошлом мире я бы просто заказала новый на маркетплейсе. А здесь... Японский метод кинцуги — склеивание керамики золотом. Золота здесь нет, но базовые принципы реставрации никуда не делись. Нужно связующее вещество и армирующая основа.

— Покажи, — я решительно взяла кувшин в руки, проведя пальцем по влажному сколу. — Есть какая-нибудь смола? Или воск?

Тесса вытаращила на меня мокрые глаза, удивлённая тем, что я не ругаю её, а задаю деловые вопросы.

— В кладовой у Борга точно есть свечной воск... — всхлипнула она.

— Неси. И золу из камина зачерпни, только самую мелкую, просеянную. Бегом.

Она кивнула и метнулась за дверь. Пока её не было, я разожгла крошечный свечной огарок, найденный на каминной полке. Вспоминала факультатив на третьем курсе. Преподавательница реставрации говорила: главное — заполнить

трещину составом, который схватится и удержит.

Тесса вернулась быстро, запыхавшаяся, с комком желтого воска и горстью серой золы в тряпице.

Я действовала быстро. Растопила воск в железной ложке над пламенем свечи, щедро вмешала золу, пока состав не потемнел и не стал густым, как смола. Аккуратно, слой за слоем, залила горячую массу в трещину. Поддержала, крепко сжимая края, пока клей не схватился в холодном воздухе комнаты, и ровно счистила излишки ногтем.

Идеально не получилось — тёмный шов на светлой глине был заметен. Но когда я налила внутрь воды из своего ведра, дно осталось абсолютно сухим. Кувшин больше не тёк.

— Если поставить трещиной к стене, Агнес не заметит, — я протянула тяжелую глину Тессе.

Она приняла его обеими руками. Бережно прижала к груди. Подняла на меня глаза, в которых страх медленно сменялся ошеломлённой благодарностью. Она смотрела на мою работу, потом на мои руки, словно ожидая, что они тоже сейчас как-то изменятся.

— Лия... как ты это...

— Повезло. Когда-то видела, как делают, — я вернулась к подоконнику и взялась за тряпку, давая понять, что разговор окончен. — Иди, пока не хватились.

Тесса кивнула, прижала кувшин ещё крепче и шмыгнула к двери. На пороге она обернулась. Испуганная кухонная девочка исчезла. На меня смотрел очень серьезный, взрослый

человек.

— Я тебе должна, Лия, — тихо, но твердо сказала Тесса. И я знала, что она говорит не только о кувшине. — Запомню это.

Дверь бесшумно закрылась. Я с силой провела влажной тряпкой по камню подоконника.

Первый союзник. Маленький, рыжий, пятнадцатилетний, с пугающей тайной . В этом проклятом замке любая под-держка на вес золота.

К вечеру я еле стояла на ногах.

Мира помогла мне спуститься вниз. Наши каморки располагались рядом, через стенку: две крохотные клетушки в самом конце коридора для прислуги. Моя была ещё теснее, чем у Миры, но своя.

По привычке я завалилась к ней. Рухнула на её тюфяк, и каждая мышца в теле заныла разом, так, что я тихо застонала.

— Первый день самый тяжёлый, — Мира набросила мне на плечи тонкое одеяло. — Завтра будет чуть легче. После завтра ещё чуть. Привыкнешь.

— Обнадёживает, — пробормотала я.

Мира фыркнула. Устроилась рядом на полу, спиной к стене, подтянув колени к груди. Свечной огарок догорал, отбрасывая на стены рваные тени.

— Мира, — позвала я. — Сегодня на кухне... Я видела кое-что странное.

Мира замерла с кружкой воды в руке.

— У Тессы была царапина. Глубокая, кровила. А через минуту, когда она убрала руку, царапины не было. Совсем. Я сначала подумала, что мне показалось, но...

Тишина. Долгая, тяжёлая.

— Тебе показалось, — наконец сказала Мира. Голос ров-

ный, без выражения.

— Мира.

Она медленно поставила кружку на пол. Посмотрела на меня. Огарок свечи высветил напряжённые скулы, сжатые губы.

— Говорят, — она понизила голос так, что я едва разобрала слова, — среди людей начали появляться те, у кого есть дар. Не как у драконов. Другое. Тоньше. Никто не знает, откуда это взялось и почему именно сейчас. Но если лорды узнают...

Она не договорила. Провела большим пальцем по горлу.

— Так что ты ничего не видела, Лия. Поняла? Ни-че-го.

— Поняла, — прошептала я.

Мира кивнула. Помолчала ещё с минуту, прислушиваясь к тишине коридора за дверью. Потом тронула меня за плечо.

— Иди к себе, поспи. Завтра подъём затемно.

Я поднялась. Моя каморка была в двух шагах. Тюфяк, стена, темнота. Я легла и натянула одеяло до подбородка.

Магия. У людей. В мире, где люди бесправная прислуга, грязь под сапогами драконов. И эту магию приходится прятать, потому что за неё убивают.

Интересно. Очень интересно.

Дни потянулись один за другим, похожие как близнецы.

Подъём затемно. Ледяная вода в лицо. Ведро, щётка, тряпка. Коридоры, лестницы, бесконечные каменные полы.

К концу первой недели ладони загрубели, стёртые колени покрылись жёсткими мозолями, а спина перестала стрелять при каждом наклоне. Рубцы зажили, превратившись в плотные белые полосы.

Лорда Кэрриана в замке по-прежнему не было. Мира говорила, что его загулы в столице могли тянуться неделями, иногда месяцами. Слуги ходили спокойнее, говорили чуть громче, смеялись на кухне. Когда хозяйский кнут далеко, дышится легче.

Я училась быть невидимой. Опускать голову, когда мимо шла драконья стража в чёрных плащах. Прижиматься к стене, замирать, не дышать. Не смотреть в глаза. Никогда не смотреть в глаза. Мира повторяла это как молитву.

— Для них мы мебель. Пока мы мебель, мы живы. Запомнила?

Я запомнила. Но мебель я была любопытная.

Замок рода Горнэр оказался огромным, настоящий каменный лабиринт. Три основных крыла, шесть этажей, две башни, подземные кладовые, конюшни, оружейные, тренировочные залы. Я составляла карту в голове, запоминая каждый поворот, каждую лестницу, каждый тёмный закуток, где можно спрятаться. Архитектурное образование пригодилось: я мысленно чертила планы этажей, отмечая выходы, тупики и проходные комнаты.

На второй неделе меня перевели на другие коридоры, ближе к парадной части замка. Здесь было светлее, чище и опас-

нее. Драконья прислуга, не люди, а высшие, из мелких драконьих родов, ходила с задранными подбородками и смотрела сквозь нас, как сквозь стекло. Несколько раз я видела охранников в тяжёлых доспехах с гербом Горнэров: крылатый змей, сжимающий меч в когтях.

И однажды утром я услышала его имя.

— Лорд Рейгар сегодня в дурном настроении, — прошипела Нелла, столкнувшись со мной на лестнице. — Держись подальше от главного коридора. Вчера одна из горничных не так посмотрела, он её в слезах выставил одним словом. Одним, представляешь?

— Каким? — зачем-то спросила я.

— Откуда мне знать. Я не сую нос не в свое дело. И тебе не советую.

Я и не собиралась. Мой план был прост и прекрасен: тереть полы, копить силы, изучать замок, найти выход к свободным поселениям в лесах. Никаких лордов, никаких драконов, никаких проблем.

Идеальный план. Жаль, что богам на это наплевать.

Это случилось на исходе второй недели.

Я мыла пол в длинном парадном коридоре третьего этажа. Агнес утром ткнула пальцем в план уборки, и спорить с Агнес я ещё не научилась.

Коридор был пуст. Широкий, с высокими сводчатыми потолками и витражными окнами, через которые падали цвет-

ные пятна света: синие, красные, золотые. Вдоль стен висели тяжёлые гобелены с батальными сценами. Драконы в огне, крыльях и славе. Людей на гобеленах не было.

Я стояла на коленях ровно в середине коридора. Ведро справа, щётка в руках, мокрая тряпка на полу. Привычная поза, привычная работа. Голова опущена. Я мебель. Меня здесь нет.

А затем каменный пол едва заметно дрогнул.

Тяжёлый, мерный, чеканный шаг. Так ходят хищники, не знающие преград, те, перед кем расступается сама жизнь. Следом — приглушенный звон шпор и несколько почтительных голосов. Свита.

Паника сковала ледяными тисками. Я торопливо, почти вслепую рванула к себе ведро, пытаюсь отползти к стене, вжаться в неё, стать бесплотной тенью. Но заледеневшие, стертые в кровь пальцы соскользнули с жесткой ручки.

Ведро накренилось. Время замедлило свой ход, превращаясь в густую смолу. Я с немым ужасом смотрела, как оно с оглушительным жестяным лязгом опрокидывается, выплескивая поток грязной, серой воды прямо на каменные плиты.

И на безупречные, начищенные до зеркального блеска чёрные сапоги, остановившиеся в полушаге от меня.

Время замерло окончательно.

Я не дышала. По мягкой дорогой коже правого сапога с серебряной пряжкой в форме драконьего когтя медленно, издевательски медленно стекала грязная мыльная вода. Тиши-

на повисла такая, что я слышала бешеный стук собственной крови в ушах.

— Подними голову.

Голос был низким. Вибрирующим. Спокойным настолько, что по позвоночнику скользнул первобытный ужас. Звук, проникающий прямо под кожу.

Я заставила себя поднять подбородок. Выше. Ещё выше.

Лорд Рейгар Горнэр возвышался надо мной как скала, заслоняя собой витражный свет. Широкие плечи, затянутые в чёрный мундир с серебряной вышивкой, казались поистине необъятными. Резкие, хищные черты лица, жесткая линия челюсти. От него исходила такая волна подавляющей, тяжелой мощи, что меня буквально придавило к полу. Я была для него даже не прислугой — пылинкой. Грязью на сапоге.

— Простите, господин, — выдохнула я побелевшими губами. — Я сейчас уберу. Простите.

Секунда. Две. Три. Он не двигался.

Я осторожно, с замиранием сердца, вскинула ресницы. И задохнулась.

Он смотрел на меня с чистой, незамутненной ненавистью. В его ледяных серых глазах плескалось такое искреннее, глубокое отвращение к жалкой человеческой рабыне, что меня едва не размазало по камням.

Но вдруг это ледяное презрение дрогнуло. На мгновение его резкие черты исказило удивление, стремительно перешедшее в дикий, неверящий шок. Он словно с размаху натолкнулся на невидимую стену. Воздух между нами внезапно раскалился, стал тяжелым, обжигающим, словно мы стояли не в холодном коридоре, а в самом эпицентре пожара.

Меня саму ударило этой странной, пугающей волной —

по венам скользнуло что-то горячее и тягучее, стягивая низ живота сладким, тянущим спазмом. Мы оба замерли в этом шоке, оглушенные внезапным искрящим напряжением, стянувшим нас, как тугая нить. Я видела в его расширяющихся глазах отражение собственного смятения.

Но это длилось лишь долю секунды. Рейгар моргнул, и его лицо мгновенно превратилось в бесстрастную, непроницаемую маску. Застывший камень. Ни единой эмоции, словно он захлопнул железные ставни.

И лишь ледяная серая радужка на моих глазах стремительно чернела, выдавая его с головой. Она затапливалась расширившимся, по-звериному жадным зрачком. Я видела, как до хруста сжалась его челюсть, как на скулах проступили желваки. Пальцы в черных перчатках медленно, судорожно сжались в кулаки. Жгучая, неконтролируемая сила тянула нас друг к другу, несмотря на всю его ледяную броню.

— Имя, — голос изменился. Стал ниже, глуше, сорвавшись на утробный рык.

— Лия, господин.

Он не шевелился. Не моргал. Жила на его мощной шее билась часто, рвано. Его ноздри хищно дрогнули, с шумом втягивая воздух, словно он пытался учуять мой запах. Губы дернулись, будто он боролся с непреодолимым желанием шагнуть ко мне.

— Встань.

Я заставила себя подняться. Ноги предательски подраги-

вали, мокрое платье липло к коленям. Я стояла перед ним, не смея поднять глаз, и чувствовала его тяжелый, плавающий взгляд затылком, шеей, каждым позвонком.

Он молчал. Эта густая, наэлектризованная тишина сводила с ума.

А потом один из офицеров за его спиной осторожно кашлянул.

— Милорд, совет через четверть часа...

Рейгар вздрогнул, словно очнувшись. Отступил на шаг. Резко, рывком. Развернулся и пошёл прочь. Не зашагал, как раньше, чеканно и ровно. Он уходил быстро, жёстко, с яростью врезаясь каблуками в камень. Свита, два офицера и молодой секретарь, растерянно переглянулись и кинулись следом.

Ни приказа убрать. Ни окрика. Ни удара. Ничего.

Я осталась стоять в луже грязной воды посреди парадного коридора. Меня била крупная дрожь. зуб на зуб не попадал. И не только от пережитого ужаса.

В тот момент, когда его черные зрачки поглотили свет, когда нас связало это невидимое напряжение, моё тело предало меня, отозвавшись на его мужскую силу.

Я упала на колени и принялась исступленно вытирать лужу.

Но руки ещё долго не слушались.

Вечером того же дня я лежала на тюфяке в своей каморке и смотрела в потолок.

За стеной было тихо. А я не могла уснуть. Перед закрытыми глазами стояло его лицо. Резкое, холодное, чужое. Вспышка дикого шока. Непроницаемая маска. Расширенные зрачки. Сжатый кулак.

Он спросил моё имя. Зачем? Мебели не нужны имена. Грязи не нужны имена.

За дверью раздался торопливый шорох босых ног и тихий стук.

— Лия! — голос Миры прозвучал испуганно.

Я открыла дверь. Мира стояла в тёмном коридоре, обхватив себя руками за плечи. Лицо белое, как мел.

— Только что прибежала Тесса с кухни. Агнес получила приказ сверху. Тебя переводят.

— Куда?

Мира сглотнула.

— В покои лорда Рейгара. Личной горничной.

Я не спала до рассвета.

Лежала в темноте, смотрела в потолок и перебирала варианты. Бежать? Куда? Я не знаю дороги к лесным поселениям, а за стенами замка зима и голод. Отказаться? Прислуга не отказывается от приказов лорда. Последняя, кто попробовала, если верить кухонным шёпоткам, до сих пор не найдена.

Оставалось одно: идти.

Мира заглянула ко мне ещё затемно. Принесла чистое платье, получше того, в котором я ходила.

— Тёмно-синее, — сказала она, расправляя ткань. Руки у неё подрагивали. — Агнес передала. Личная прислуга лорда должна выглядеть прилично.

Я повертела платье в руках. Ткань была тоньше и мягче, чем моя обычная грубая серая дерюга. Даже фартук белый, накрахмаленный.

— Мира, — я посмотрела на неё. — Он меня убьёт?

Она отвела взгляд.

— Рейгар не Кэрриан. Он не трогает прислугу. Но...

— Но?

— Но никто не знает, зачем ему личная горничная из людей. У него всегда были только драконьи слуги. Всегда. — Мира села рядом на тюфяк и взяла меня за руку. Пальцы у неё были ледяные. — Лия, послушай меня. Не смотри ему

в глаза. Не заговаривай первой. Не задавай вопросов. Делай, что велят, и будь невидимой. Поняла?

— Поняла.

— И ещё. Если он начнёт... если тебе покажется, что он...

Она не договорила. Стиснула мою руку крепче.

— Я буду ждать тебя каждый вечер. Каждый. Ты придёшь и расскажешь мне всё. Обещаешь?

— Обещаю.

Мира кивнула. Встала. Одёрнула свой фартук. И ушла, не оглядываясь. Но я видела, как она вытерла глаза тыльной стороной ладони, уже в дверях.

Покои лорда Рейгара располагались в северной башне, на самом верху.

Агнес вела меня туда молча, цокая каблуками по бесконечным ступеням винтовой лестницы. Я считала пролёты. Архитектурная привычка: четыре этажа, шестнадцать маршей, около ста двадцати ступеней. Узкие бойницы вместо окон. Сквозняк нёс запах камня и холодного железа.

На верхней площадке Агнес остановилась перед тяжёлой дубовой дверью, окованной чёрным металлом.

— Слушай внимательно, потому что повторять не буду, — она повернулась ко мне. Глаза у неё были жёсткие, но без злости. — Лорд Рейгар встаёт на рассвете. К его пробуждению в кабинете должен стоять кофейник и чистая чашка. Он завтракает один. Пока он на совете, ты убираешь спаль-

ню, кабинет и ванную комнату. Постельное бельё менять раз в три дня. Камин поддерживать постоянно. Не шуметь. Не двигать вещи на его столе. Ничего не трогать в оружейном шкафу. Если он обращается к тебе, отвечаешь коротко и по делу. Если не обращается, тебя не существует.

— Поняла, Агнес.

— Последнее. — Она помедлила. — Предыдущая горничная, драконица из рода Тейнов, продержалась полтора года. Вчера он от нее отказался.

Агнес посмотрела на меня, и впервые за всё время в её взгляде мелькнуло подобие сочувствия.

— Удачи, девочка. Она тебе понадобится.

Она развернулась и застучала каблуками вниз по лестнице. Я осталась одна перед дверью.

Ладно. Глубокий вдох. Я заходила в аудитории на экзамен по начертательной геометрии, и ничего, выжила. Здесь хотя бы не надо чертить эпюры.

Я толкнула дверь.

Покои лорда Рейгара меня удивили.

Я ожидала чего угодно: мрачной роскоши, трофеев, оружия на стенах, драконьих черепов по углам. Того, что обычно описывают в сказках про логова чудовищ.

Вместо этого передо мной открылась просторная, светлая комната с высокими окнами, из которых был виден весь город далеко внизу. Стены из светлого камня, без гобеле-

нов. Огромный письменный стол у окна, заваленный бумагами, картами и свитками. Кожаное кресло, продавленное по форме хозяина. Книжные полки вдоль стены, и книг на них столько, что некоторые стояли в два ряда, а другие лежали стопками на полу. Камин, в котором догорали угли.

На столе громоздились стопки документов, между ними стояла пустая чашка с засохшими следами кофе на дне. На подлокотнике кресла висел небрежно брошенный мундир. У камина на полу лежала раскрытая книга корешком вверх.

Он читал у огня. Поздно, наверное, раз уснул и бросил книгу так. Раскрытой, корешком вверх, убивая переплёт. Мой внутренний библиотекарь тихо застонал.

Я огляделась ещё раз. Спальня была за следующей дверью, ванная за другой. Всё чистое, добротное, без лишней позолоты. Жильё человека, который проводит здесь много времени и которому плевать на то, как это выглядит для других.

Хорошо. Кофейник. Агнес сказала, к пробуждению должен стоять кофейник. Я нашла его на нижней полке шкафа рядом с камином: медный, тяжёлый, с длинной ручкой. Рядом стояла жестянка с молотым кофе. Запах ударил в нос, и я на секунду зажмурилась. Кофе. Настоящий кофе. В моей прошлой жизни я без него не могла проснуться, а здесь уже две недели только вода и жидкая похлёбка.

Руки привычно сделали всё сами: вода из кувшина, кофе в турку, турку на решётку над углями камина. Пока кофе грел-

ся, я подняла книгу с пола, аккуратно закрыла и положила на стол. Военная стратегия. Трактат на языке, которого я не знала. Буквы были похожи на руны, угловатые и красивые.

Кофе зашипел. Я сняла турку, налила в чистую чашку. Грязную забрала.

И в этот момент за моей спиной открылась дверь спальни. Я успела обернуться и замереть, прижав грязную чашку к груди.

Лорд Рейгар стоял в дверном проёме. Без мундира, в одной рубашке, не заправленной, с расстёгнутым воротом. Волосы влажные после умывания. Босые ноги на каменном полу. Он был... не таким как я себе представляла, а обычным, как мужчины из моего мира, слегка заспанным.

Это длилось секунду. Может, меньше.

Он увидел меня, и всё изменилось. Спина выпрямилась. Челюсть сжалась. Глаза, секунду назад ещё затуманенные сном, стали холодными и злыми.

Рейгар

Тот проклятый день в парадном коридоре.

Я возвращался с малого совета в окружении командиров. Злой, взвинченный: в голове схемы укреплений, донесения с северных границ и очередная грызня с лордами за поставки провизии.

И тут грохот. Жестяное ведро летит на камни, и грязная мыльная вода растекается лужей по моим сапогам.

Я остановился. У ног жалась человеческая девка. Размазанная по полу. Ничтожная.

Обычно за такую оплошность надсмотрщики волокут на задний двор под плети, даже без моего приказа. Люди — сор. Бесправная слабая раса, которая только и годится, что выгребать золу. Меня всегда раздражало одно их присутствие.

— Подними голову, — процедил я, уже предвкушая, как раздавлю её одним словом.

Она послушалась. Медленно, дрожа всем телом, подняла взгляд. Огромные тёмные глаза на изможденном бледном лице. Тонкая беззащитная шея.

И тут меня накрыло.

Воздух выбило из лёгких. Запах ударил по всем инстинктам, прожёл сознание насквозь. Мой внутренний зверь, спавший десятилетиями, дёрнулся, оскалился и утробно зары-

чал, рванувшись к ней так, что у меня затрещали рёбра.

Нет.

Нет, нет, нет.

Я стиснул зубы так, что в висках стрельнуло. Это человек. Кусок плоти без капли магии. Мой вид не испытывает к ним ничего, кроме брезгливости. Это какая-то ошибка. Сбой. Порча. Меня кто-то проклял.

Но зверь внутри плевать хотел на мои объяснения. Он рвался к ней, и ему было всё равно, что она человек, рабыня, грязь. Ему нужна была она. Именно она. И от этого осознания у меня потемнело в глазах.

— Имя, — выдавил я. Голос сел, превратился в чужой, гортанный рык. Зрачки расширялись, затапливая радужку, и я ничего не мог с этим сделать.

— Лия, господин.

Тихий сдавленный голос. Она дрожала. А я стоял над ней и ненавидел. Её. Себя. Этот проклятый запах. Эту тварь внутри, которая скулила и рвалась с цепи.

— Милорд, совет через четверть часа...

Голос секретаря прозвучал как пощёчина. Я очнулся. Свита. Командиры. Они стоят за моей спиной и видят, как глава рода Горнэр замер над человеческой служанкой с мокрой тряпкой и не может сдвинуться с места.

Позорище.

Я развернулся и ушёл. Жёстко, до хруста впечатывая каблуки в камень. Едва сдерживал шаг, чтобы не сорваться на

бег.

Остаток дня прошёл как в тумане. Я заперся в кабинете. Налил крепчайшей настойки из северных трав. Пил, обжигая горло, и не чувствовал вкуса.

Какого гхарта?! Почему? Я ненавидел эту расу тридцать пять лет. Брезговал прикосновением к их коже. Для меня люди всегда были тем, чем и являлись: низшей формой жизни, лишённой магии, лишённой силы, лишённой всего, что делает нас нами. Домашний скот, которому повезло ходить на двух ногах.

Кэрриан их трогал. Всегда. С юности. Уходил в загулы и выбирал для своих забав человеческих женщин. Я не понимал этого. Не мог понять. Для меня это было всё равно что лечь с животным. Мерзость. Извращение. Я смотрел на брата и видел больное существо, которое не способно найти себе равную и потому ломает тех, кто слабее.

А теперь я стою в собственном кабинете, обжигаю горло настойкой и трясусь от того, что грязная человеческая девка подняла на меня глаза. И мой зверь, который тридцать пять лет молчал, вдруг решил, что она — его.

Я не Кэрриан. Я никогда не буду как брат.

Но тело не слушалось разума. И это пугало меня больше, чем вся северная армия за горным хребтом.

Мысли метались. Может, это магия? Подстава? Кто-то подсунил мне эту рабыню, чтобы скомпрометировать? Кэрриан?. Нет. Кэрриан глуп, но не настолько. Тогда кто?

Я вызвал старшую горничную. Потребовал списки прислуги. Нашёл её. Лия. Из нижнего двора. Работает в замке давно, до этого приют в человеческих трущобах. Никакого происхождения. Никто.

И всё равно мой зверь скулил по ней так, что я вцепился пальцами в край стола до белых костяшек.

Моя истинная? Человеческая девка?

Я встал. Подошёл к окну. Долго смотрел на город внизу.

Нет. Не бывает. Истинные пары у высших драконов рождаются раз в столетие. Истинная пара с человеком не рождалась никогда. За всю историю. Ни разу. Это невозможно.

Значит, это не истинность. Это сбой. Наваждение. Паразит в крови, помутнение рассудка, дурная шутка уставшего тела.

Я докажу это себе.

Переведу её в свои покои. Горничной. Буду видеть её каждый день. Буду смотреть, как она трёт полы и таскает грязные тряпки. И через неделю, когда мой идиотский зверь нанюхается и успокоится, я верну её обратно в нижний двор, где ей место. И забуду.

Вот и весь план. Простой. Логичный. Безупречный.

Вечером я отдал приказ Агнес.

А ночью не сомкнул глаз. Потому что зверь внутри свернулся в клубок и урчал. Тихо, мерзко, довольно. Будто знал: она будет рядом. И ему этого хватило.

Я его ненавидел. Я ненавидел себя. И где-то на самом дне,

в той яме, куда я не хотел заглядывать, я знал, что мой план не сработает.

Но признать это означало признать, что я, лорд Рейгар Горнэр, глава рода, военачальник, высший дракон, попался. На человечку с тряпкой.

Какого гхарта.
 Утро.

Я вышел из спальни, едва плеснув в лицо ледяной водой. Злой после бессонной ночи, в расстёгнутой рубашке, босиком.

И увидел её.

Она стояла у камина с моей медной туркой и грязной вчерашней чашкой, прижатой к груди. Замерла. Губы приоткрыты. Глаза распахнуты.

Мелкая. Худая. Ключицы торчат из-под грубой ткани тёмного платья. Шея тоньше моего запястья.

Зверь внутри рванулся. Я его задавил. Стиснул челюсть, выпрямил спину, заставил себя пересечь кабинет и сесть за стол. Шесть шагов мимо неё. Шесть шагов, на которых я чувствовал её запах, и каждый шаг давался мне тяжелее, чем марш-бросок в полном доспехе.

Она налила кофе. Я взял чашку. Сделал глоток.

И замер.

Кофе, который никто из прислуги за десять лет не мог сварить нормально, вечно приносили пережжённую отраву, а мой ординарец появлялся раз в неделю. Эта девка с тряпкой сварила его идеально. С первого раза.

Какого гхарта. Она даже в этом не может быть обычной? — Кто тебе сказал, какой кофе варить? — Я нарочно сде-

лал голос жёстче. Холоднее. Хотел, чтобы она вздрогнула.

Она вздрогнула. Побледнела. Но голос не сорвался.

— Никто, господин. Сварила, как умею.

Как умеет. Девка из приюта. Из трущоб. Варит кофе так, что мой ординарец, прослуживший двадцать лет, может пойти топить от стыда.

Я смотрел на неё. На её руки, красные от ледяной воды, с обломанными ногтями. Руки рабыни. Ничтожество. Мусор. Грязь. Мне должно быть мерзко от одного взгляда на эту кожу.

Но мерзко не было. Было другое. То, от чего хотелось разнести этот стол к гхартовой матери.

— Этот сварен правильно, — сказал я. Зачем? Зачем я ей это говорю? Похвала для рабыни? Я что, совсем рехнулся?

Она стояла передо мной. Тихая. Прямая. Не плакала, не тряслась, не падала на колени. Смотрела в пол, но спину не гнула. И от этой её тихой стойкости меня накрывало ещё сильнее.

— Я могу варить каждое утро, господин. Если прикажете.

Её голос. Тихий, ровный. Она мне предлагает. Спокойно. Будто разговаривает с равным, а не с существом, которое минуту назад едва не сломало ей запястье одним рукопожатием.

Я отвернулся к бумагам. Резко. Потому что ещё секунда, и я бы встал из-за стола, и тогда я не знаю, что бы сделал.

— Приступай к уборке. Спальня, потом кабинет. На столе

ничего не двигать.

Она ушла. Закрыла дверь. А я сидел и слушал, как за стеной она заправляет мою постель. Каждый шорох ткани, каждый её шаг по каменному полу отдавался у меня в позвоночнике.

Мой план не работал.

Я это понял на третьей минуте. Она была рядом, и зверь не успокаивался. Он затихал. Мурлыкал. Сворачивался в клубок. Ему было хорошо. Ему было так хорошо, как не было никогда в моей проклятой жизни.

И это было хуже всего.

Днём я вернулся с совета взвинченный до предела. Очередная пустая трата времени. Мышцы гудели, драконья суть рвалась наружу.

Она стояла у книжного шкафа с тряпкой.

Я рухнул в кресло. Уставился в военные отчёты и не видел ни строчки. Слышал каждое её движение. Каждый шорох платья. Каждое её тихое дыхание.

Потянулся к чашке. Пустая.

Повернул голову.

Она уже двигалась. Кувшин, турка, кофе, угли. Руки быстрые, точные. Через две минуты шагнула к столу. Ей пришлось протиснуться мимо моего кресла. Близко.

Ткань её платья скользнула по моему плечу.

Меня прошило. В голове помутилось. Самоконтроль, который я выстраивал десятилетиями, рухнул от одного её слу-

чайного касания.

— Я не просил, — голос сорвался на хрип.

— Простите, господин. Убрать?

Она потянулась к чашке. И у меня сорвало тормоза.

Я перехватил её запястье. Тонкая кость под горячими пальцами. Одно неосторожное движение и сломаю.

Она вскинула на меня глаза. Тёмные, огромные, перепуганные.

Я втянул воздух. Страх. Она боялась. Но под страхом было другое. Её пульс бился под моим большим пальцем бешено, рвано. И это был не только страх.

Зверь внутри оскалился, торжествуя.

Я подался вперёд. Мне нужны были её губы. Плевать на гордость. Плевать на всё.

Она тихо выдохнула. Сдавленно. Жалобно.

И этот звук окатил меня ледяной водой.

Стоп.

Что я творю?

Я, лорд Рейгар Горнэр. Высший дракон. Главнокомандующий. А она бесправная рабыня. Если я возьму её силой, здесь и сейчас, подчинившись инстинкту, я стану таким же конченным ублюдком, как мой сводный братец Кэрриан.

Эта мысль отрезвила лучше любой настойки.

Я разжал пальцы. Отвернулся к окну. Вцепился в собственные волосы.

— Оставь.

Шаги. Сбитое дыхание. Она отступала.

А я сидел, уставившись слепым взглядом в карту северных хребтов, и ненавидел себя с такой силой, что от неё можно было плавить сталь.

До вечера она вытирала пыль. Я перебирал документы. Мы не обменялись ни словом. Но каждый её вздох, каждый шорох, каждый её взгляд, брошенный исподтишка, думая, что я не вижу, я чувствовал кожей.

А она думала, что я не замечаю. Дурочка. Я замечал всё. Каждое её движение. Каждый поворот головы. Как она закусывает нижнюю губу, когда тянется к верхней полке. Как убирает прядь за ухо тыльной стороной ладони. Как тихо, еле слышно, напевает себе под нос, когда думает, что я ушёл в бумаги.

К вечеру я знал о ней всё и ничего. И от этого «ничего» хотелось выть.

Когда она спустилась на кухню, я подошёл к окну. Город горел вечерними огнями далеко внизу. Ветер нёс запах камня и дыма.

Мой план провалился. За один день. С треском и грохотом, как то проклятое ведро в коридоре.

Она вернётся утром. Сварит кофе. Будет тихо, молча делать свою работу. А я буду сидеть за этим столом и медленно сходить с ума.

И самое паршивое: я уже ждал этого утра.

ЛИЯ

Вечером я спустилась на кухню.

Мира ждала меня у входа. Она сидела на перевёрнутом ведре, подпирая стену, и когда увидела меня, вскочила так резко, что ведро с грохотом покатилося по полу.

— Живая, — выдохнула она, схватив меня за плечи и разворачивая к свету. — Целая?

— Целая, — я осторожно убрала её руки. — Мира, я в порядке. Правда.

— Что он сделал? Говорил с тобой? Трогал?

— Не трогал. Сказал, может, десять слов за весь день. Я мыла, убирала, варила кофе.

Мира смотрела на меня, всё ещё не веря.

— Кофе, — повторила она. — Ты варила ему кофе.

— Два раза. Он пьёт без молока.

Мира открыла рот, закрыла и вдруг прыснула. Нервно, с надрывом, почти на грани слёз.

— Боги милосердные, Лия. Я тут с утра себе места не нахожу, а ты изучаешь его кофейные привычки.

— А что мне оставалось? Рыдать в углу?

— Тоже верно.

Мира посмотрела на меня долго, пристально. Потом кивнула.

— Ладно. Потом. Идём, тебе надо поесть.

Мы сели за стол. Повариха налила мне похлёбку. Та же, жидковатая, пресная. Но горячая. Я ела, и Мира сидела рядом, и коленом прижималась к моему колену под столом, и молчала. Но я чувствовала: она рядом. Она здесь. И пока это так, я справлюсь.

Тесса подбежала с другого конца стола, плюхнулась напротив. Глаза круглые.

— Правда? Ты теперь у самого Рейгара?

— Правда.

— И какой он? Там, вблизи?

Я задумалась. Какой. Вблизи. Запах мыла и дыма. Влажные волосы. Босые ноги на каменном полу. Уголок рта, дрогнувший от слов про книжный корешок.

— Высокий, — сказала я.

Тесса ждала продолжения. Не дождалась.

— Всё? — обиженно протянула она. — Высокий, и всё?

— И пьёт кофе без молока.

Мира подавилась похлёбкой.

Ночью я лежала в своей каморке и снова не спала.

Но на этот раз не от страха. От странного чувства, у которого я не могла найти названия. За один день я узнала о лорде Рейгаре Горнэре больше, чем весь нижний двор за годы. Что он читает до глубокой ночи и засыпает у камина. Что после совета у него белеют костяшки пальцев, и он комкает

бумаги. Что кофе он пьёт чёрным, большими глотками, обжигаясь. Что книги у него стоят в два ряда.

Не моё дело. Я здесь, чтобы мыть полы и варить кофе. Выжить. Окрепнуть. Выбраться. Этот дракон для меня никто. Хозяин. Работодатель. Тюремщик.

Но запах дыма и кофе стоял в носу. Терпкий, горьковатый, чужой. И простыни, которые я разглаживала утром, пахли так же. И мундир на кресле. И воздух в его кабинете. Этот запах пропитал мне руки, волосы, кожу за один день, и никакое мыло его не смывало.

Я натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Какой же он высокий.

Я перевернулась лицом к стене и приказала себе спать.

Утро началось с турки, раскалённых углей и аромата горького кофе.

Я вошла в кабинет почти бесшумно. Рейгар сидел за столом в расстегнутом мундире. Под глазами залегли резкие тени. Очередная бессонная ночь.

Чашка мягко стукнула о край дубовой столешницы. Мой взгляд помимо воли прикипел к центру стола.

Развёрнутый пергамент. Подробная военная карта. Возможный путь наружу.

Я медленно протирала свободный край стола, скашивая глаза на тонкие линии чернил. Северные хребты. Изгибы рек. Штрихованные пятна густых лесов. Мысленно я уже вы-

черчивала дорогу от столицы. Влево от главного тракта. За перевал. Три дня пути? Или неделя?

— Интересуешься военной топографией?

Голос прозвучал низко и слишком близко.

Я вздрогнула, выронив тряпку. Рейгар стоял рядом, опираясь бедром о край стола. Двигался он совершенно бесшумно.

— Исключительно слоем пыли на ней, господин, — ровно ответила я, глядя на его начищенные сапоги.

Рейгар глухо хмыкнул.

— Пыль на Северном перевале действительно достигла критических масштабов.

В его тоне сквозила тяжёлая, сухая ирония. Я едва заметно дёрнула уголком губ.

Подобрав тряпку, я отступила к полкам. Вчера тяжелые фолианты остались нетронутыми. Сегодня хаос из кривых книжных башен ударил по нервам.

Пальцы принялись переключать тома, укладывая их по размеру и весу. Рунический язык на корешках оставался загадкой.

Рейгар остался у окна. Я чувствовала его тяжелый, плавающий взгляд затылком, лопатками, каждым позвонком.

— Что ты делаешь?

— Навожу порядок, господин.

— Они лежали в порядке.

Я замерла с увесистым томом в руках. Скосила глаза на

кривую стопку из семи книг на нижней полке, готовую рухнуть от первого же сквозняка.

— Это называлось «угроза обрушения», господин. До порядка здесь далеко.

Слова сорвались с губ быстрее, чем я успела их обдумать. Кабинет накрыла тяжелая, давящая тишина. Я сжала челюсти, ожидая удара.

— Угроза обрушения, — медленно повторил он. В его голосе сквозило странное, тёмное веселье. — И каков твой метод спасения конструкции?

— Широкое основание, узкий верх. Базовая статика.

Я обернулась. Воздух застрял в горле. Он неслышно пересёк комнату и теперь стоял вплотную. Нас разделяли жалкие сантиметры.

Его грудь часто и тяжело вздымалась под тонкой тканью рубашки. Воздух между нами сгустился, раскалился. Терпкий запах дыма, жёсткой кожи и пота ударил по нервам.

Рядом с этим смертоносным существом, способным раздавить меня двумя пальцами, у меня отключался мозг. Сердце заходило бешеной дробью, ломая рёбра. Здравый смысл орал об опасности. Тело предательски плавилось от чужого раскалённого жара. Это пугало сильнее истерики.

Абсолютное безумие. Я смотрела строго на расстёгнутый ворот его рубашки.

Он сделал ещё полшага.

РЕЙГАР

Мой план рухнул.

Шел ее третий день здесь. С каждым её вдохом, с каждым шорохом её платья мой самоконтроль трещал по швам.

Строки донесений на столе расплывались в чернильные пятна. Я смотрел, как она пялится на мою карту. Думает, я слепой? Её темные глаза цепко бегали по отметкам Северного тракта. Ищет путь. Вычерчивает дорогу в своей упрямой человеческой голове. Собралась бежать.

Зверь внутри утробно, собственнически зарычал. Попытается уйти — поймаю. Переломаю преграды и верну. Моя.

Я подошёл к ней. Она дерзила мне про книги, упрямо выпрямив свою тонкую спину. «Базовая статика». Какого гхарта рабыня из трущоб знает подобные слова? Кто ее научил?

Она обернулась. Мы оказались вплотную.

Я смотрел на бешеную пульсацию синей жилки на её шее. Зверь скулил, скреб когтями изнутри, требуя впиться туда зубами. Заявить права. Слизать её страх.

Я втягивал расширенными ноздрями воздух. Я чувал лишь лёгкое, пьянящее смятение и первобытную тягу, сжигающую меня заживо. Она отзывалась на меня.

Инстинкт сожрал разум. Моё тело шагнуло к ней само.

Я поднял руку. Медленно, продираясь сквозь густой воз-

дух. Пальцы в чёрной кожаной перчатке потянулись к её лицу. К светлой пряди у самого виска.

Её дыхание сбилось. Губы приоткрылись.

Только прикоснуться. Один раз. Ощутить эту кожу.

Мои пальцы замерли в миллиметре от её щеки. Жар чужого тела обжёг меня сквозь плотную перчатку.

Стоп.

Я Главнокомандующий, а не ополоумевший от гона зверь.

Я резко опустил руку. Сжал кулак с такой силой, что кожа угрожающе заскрипела, ногти впились в ладонь до боли.

Развернулся. Шаг, другой. К окну.

— Принеси ещё кофе.

Голос прозвучал хрипло. Чуждо.

Я стоял, подставив лицо ледяному сквозняку из витражной щели, и до боли стискивал каменный подоконник.

Я проигрывал человеческой девчонке с тряпкой в руках.

ЛИЯ

Жестянка с кофейными зёрнами оказалась пуста. Кувшин для воды — тоже. Идеальный предлог.

Я выскользнула из кабинета. Воздух в покоях лорда стал слишком густым, удушливым. Он обжигал лёгкие.

Спуск на кухню дал спасительную передышку. Я шла по ледяным ступеням башни, жадно глотая сквозняк, и пыталась унять бешеный стук сердца. Жалкая, пугающая слабость.

Я вернулась на верхнюю площадку через четверть часа.

Тяжёлый кувшин со свежей водой оттягивал руки. Полная жестянка холодила пальцы.

У массивной двери кабинета створка оставалась приоткрытой на палец. Изнутри доносился скрипучий бас командира северного гарнизона.

— ...волнения на южных рудниках. Королевский совет снова обсуждает послабления для человеческой расы. Идут разговоры о частичной отмене рабства, милорд.

Я перестала дышать. Пальцы до побеления вцепились в края деревянной бадьи с водой.

Голос Рейгара ударил хлыстом. Холодный. Надменный.

— Совету нечем заняться. Отмена рабства приведёт к краху. Люди — тягловый скот. Они не способны управлять собой. Дай им свободу, они перережут друг друга за кусок гнилого мяса.

— Идеи мятежа зреют...

— Подавить. Жёстко. — Металл в его голосе резал слух. — Это овцы. Их удел — чистить наши конюшни и выгребать золу. На большее эта раса не сгодится. Вопрос закрыт.

Я медленно опустила руку.

Тягловый скот. Овцы.

Внутри всё заледенело. Наивная идиотка. Час назад я стояла вплотную к нему, вдыхала запах кожи и теряла рассудок под собственное оглушительное сердцебиение. Решила, что монстр способен на человечность.

Монстр остаётся монстром. Для него я — грязь. Говоря-

щее животное, умеющее варить кофе.

Остатки нелепой симпатии вымерзли, оставив после себя сосущую пустоту. Я возвела внутри глухую, ледяную стену. Побег. Только побег. Изучить карту. Найти выход. Выжить.

Я выпрямила спину. Толкнула тяжелую створку плечом.

РЕЙГАР

Створка скрипнула. На пороге появилась Лия с кувшином.

Я оборвал доклад. Отпустил командира коротким кивком. Офицер тяжело развернулся, чеканя шаг, прошёл мимо девчонки и скрылся в коридоре. Дверь глухо захлопнулась.

Она подошла. Поставила кувшин на край стола.

Я смотрел на Лию. Что-то неуловимо изменилось. Час назад воздух между нами гудел от напряжения. Сейчас передо мной стояла ледяная статуя.

Движения резкие, выверенные. Взгляд пустой, устремлённый в стену. Она закрылась. Наглухо.

Зверь внутри зарычал от досады и непонимания.

Что произошло за эти пятнадцать минут?

Она спускалась за водой. В нижний двор. К людям. К чужим мужчинам.

Мысль пробила грудную клетку навывлет. Кто там у неё? Кто ждал её у печей? С кем она перешёптывалась в тёмных коридорах, пока я давился собственным пульсом здесь, наверху? Какой-нибудь конюх? Смазливый поварёнок?

Кто-то случайно коснулся её пальцев, передавая этот чёртов кувшин. Кто-то смотрел, как вздымается её грудь после подъёма по лестнице. Кому-то она могла улыбнуться.

Зверь внутри взвыл. Чистая, первобытная ревность ударила по венам раскалённым свинцом. Горло сдавило жёстким спазмом. Зрение сузилось до мутного красного коридора.

Я вцепился в подлокотники кресла. Толстый дуб жалобно хрустнул, трескаясь под пальцами. Под кожей вдоль позвоночника вспыхнула острая фантомная боль — драконья суть требовала немедленно выпустить крылья. Спуститься вниз. Выжечь весь нижний двор до голого камня.

Разорвать глотки всем, кто дышал с ней одним воздухом. Вырвать сердце любому, кто посмел задержать на ней взгляд. Моя.

Она молча развернулась к выходу.

— Стоять.

Низкий, вибрирующий рык разорвал тишину кабинета.

Она замерла. Идеально прямая спина.

Я поднялся. Подошёл вплотную. Никакой дрожи. Никакого сбитого дыхания. Абсолютно бесстрастное лицо.

— Собирай вещи, — бросил я, чеканя слова.

Её ресницы дрогнули.

— Куда, господин?

— В соседнюю комнату. За моей спальней есть каморка для личной прислуги. С сегодняшнего дня живёшь там.

В тёмных глазах мелькнула паника. Быстрая, острая. И тут же утонула в холодном контроле.

— Мои вещи в крыле для прислуги...

— Перенесёшь. — Я отвернулся к окну, пряча сжатые че-

люсти. — Мне нужен кофе по утрам. И иногда ночью. Я не намерен искать тебя по всему замку. Выполнять.

Она поклонилась. Коротко. Сухо.

— Слушаюсь, господин.

Дверь за ней тихо закрылась. Я рухнул в кресло, с силой вдавив пальцы в виски.

Она будет спать за стеной. В десяти шагах от моей кровати.

Я сам затягивал петлю на своей шее.

ЛИЯ

Я спустилась в крыло для прислуги. Забрала деревянный гребень и запасной чепец. Всё моё имущество легко уместилось в одной ладони.

Обещанная каморка за спальней лорда оказалась просторной, светлой комнатой. Широкая кровать с упругим матрасом и свежим бельём. Отдельная смежная ванная с массивной медной бадьёй и стопкой чистых полотенец.

Я открыла створки дубового шкафа. На полках лежала одежда. Платья горничной, сшитые из плотной, тёплой шерсти. Жёсткие, хрустящие от крахмала белые фартуки. Вещи подчеркивали высокий статус личной прислуги — качество ткани в точности повторяло наряды Агнес.

Я легла на упругий матрас. Мягкость раздражала. Внизу, в промёрзлой каморке, Мира сворачивалась клубком на колючей соломе. Тонкий тюфяк. Ледяной сквозняк из щелей. Завтра она снова пойдет выгребать горячую золу.

Жгучая вина сдавила горло. Мира спасла мне жизнь. Прятала, лечила.

Пальцы до хруста вцепились в край шерстяного одеяла. Я обязана вытащить нас обоих. Выучить карту Рейгара наизусть. Найти выход.

Ночь прошла в липком, тревожном полусне. Я физически ощущала присутствие дракона за каменной стеной. Слышала его тяжелые, глухие шаги.

Утро принесло короткую передышку. Рейгара дёрнули на срочное совещание на самом рассвете. Кабинет опустел.

Появилась возможность выдохнуть. Снять ледяную броню, сковавшую тело после вчерашних слов о тягловом скоте. Заняться делом.

РЕЙГАР

Малый совет прервали. Я вернулся в покои через час, взвинченный, с гудящей головой. Пальцы ныли — я весь совет вжимал их в столешницу, пока лорды препирались из-за поставок зерна.

Дверь в спальню оставалась приоткрытой. Из щели сочился тёплый свет.

И звук.

Тихий, тягучий мотив. Мелодия без слов — чужая, незнакомая. Так не пели ни в столице, ни в провинции.

Ноги приросли к порогу.

Лия стояла ко мне спиной, склонившись над кроватью. Пальцы разглаживали тяжелый шелк покрывала. Плечи опущены, расслаблены. Выбившаяся прядь покачивалась в такт движениям. Она думала, что одна.

Мой вдох прозвучал слишком громко. Запах ее кожи — теплый, с привкусом мыла и кухонного дыма — ударил по нервам, и зверь сорвался с цепи.

Разум отключился.

Три длинных бесшумных шага. Пальцы впились в ее плечи. Развернул. Толкнул.

Она рухнула на спину, утонув в подушках, а я навис сверху, вдавливая её в матрас собственным весом. Перехватил

запастья, прижал к простыням. Под большими пальцами бился чужой горячий пульс.

Спина выгнулась жёсткой, неестественной дугой. Лицо побелело. Глаза уставились сквозь меня — пустые, незрячие. Рот хватал воздух мелкими, рваными глотками.

Тело под моими руками стало деревянным. Окаменевшим. Мёртвым.

Зверь подавился собственным рыком.

Я разжал пальцы. Резко поднялся. Отступил. Еще шаг.

Лия сжалась в комок, подтянув колени к подбородку и мелко тряслась.

В горло хлынула кислота. Секунду назад я лежал на человеческой девчонке. Прижимал ее к постели. Как мой брат которого я всю жизнь презирал за то, что он тащил в постель прислугу. Животных. Низшую расу.

Я уперся ладонью в стену и стоял так, пока дыхание не выровнялось.

А потом сработала привычка. Тридцать пять лет муштры, советов, командования. Спина выпрямилась сама собой. Челюсть сжалась. Голос зазвучал ровно и холодно, как тогда, когда я гнул генералов и ломал послов. Маска главы рода — единственное, что у меня осталось, когда все остальное рассыпалось в прах.

— Назови цену, — бросил я. Голос лязгнул металлом. — Золото. Статус. Выбирай. Любая цена за ночь. Выбирай.

Она медленно подняла голову. Губы синие, истисанные.

Мокрые пряди прилипли к щекам.

И упрямо вздёрнула подбородок.

— Я не продаюсь.

Срывающимся шёпотом. Я стиснул зубы так, что они закрипели. Развернулся. Вышел. Дверь ударилась о косяк так, что посыпалась штукатурка.

ЛИЯ

Легкие горели.

Я сидела на смятом шелке, обхватив колени руками. Пальцы свело судорогой.

Меня накрыла память.

Чужая. Рваная. Как плохо склеенная пленка.

Тёмная кладовая. Запах плесени и ржавчины. Ледяной каменный пол под голой спиной. Чьи-то пальцы — грубые, жадные — рвут ткань платья. Боль — такая, что темнеет в глазах. И лицо. Красивое, искажённое, с чёрными расширенными зрачками. Кэрриан.

Я вцепилась в простыню. Это было не мое. Моя память заканчивалась вечерней дорогой с практики и темнотой. А это — обрывки чужой жизни. Того, что случилось с этим телом до меня. Они всплывали сами собой, когда чужие руки прижимали меня к постели, когда тяжелый мужской вес вдавливал меня в матрас.

Я захлёбывалась эти воспоминаниями, как своими собственными.

Я зажмурилась. Разжала пальцы. Снова сжала.

Камня нет. Под руками — гладкая ткань.

Рейгар набросился на меня. Смял. Навис.

И отпустил получив отказ.

Он отступил сам. Предложил плату. Получил отказ. Ушёл.

Вдох. Выдох. Ещё раз. Чужие образы отступали медленно, неохотно, оставляя после себя холодный пот и ватную слабость в ногах.

Нужно встать. Спуститься вниз. На кухню, к людям, к стуку тарелок и запаху хлеба. Подальше от этих покоев.

Я сползла с матраса. Ноги подкашивались, но держали. Сквозняк из коридора обжег мокрое лицо.

Я шла по открытой галерее второго этажа и считала шаги. Просто чтобы думать о чем-то другом.

Снизу донесся звон стали.

Ноги сами понесли меня к окну. Я прижалась лбом к холодному стеклу.

Внутренний двор. Желтый утоптаный песок.

Рейгар был там. В одной белой рубашке, мокрой от пота, с закатанными рукавами. Против троих гвардейцев в полном обмундировании.

Удар — щит разлетелся в щепки. Блок — тренировочный двуручный меч повернулся в его руках, как легкая трость. Разворот — ближний боец рухнул спиной на песок. Рейгар крушил. С каждым его замахом из-под сапог вздымались рыжие облака пыли.

Я смотрела, как перекачиваются мышцы под мокрой тка-

нюю. Как двое оставшихся пятится, отвернулась от окна. Вытерла щеки ладонями. И пошла вниз.

Нижний этаж встретил жаром от очагов и запахом вареной репы. Обычный для вечера гул голосов — смех, стук тарелок, ворчание поварихи — стих. Кухня погрузилась в тишину.. Было слышно только, как потрескивают поленья в дальнем очаге да где-то капает вода в раковину. Мерно. Гулко.

Прислуга жалась по углам. Даже повариха, обычно шумная и хлопотливая, молча терла и без того чистый котел, повернувшись ко всем спиной.

Я остановилась в дверях. По спине пробежал холодок.

Мира выскочила из-за стола. Опрокинула кружку — никто даже не вздрогнул. Бросилась ко мне, вцепилась обеими руками в локоть. Пальцы ледяные, дрожат. Лицо серое, землистого оттенка, словно из него разом выкачали всю кровь.

— Лия. — Выдох прямо в ухо. Голос сорвался, осип. — Поднимайся в башню. Прямо сейчас. Слышишь меня? Не высовывайся.

— Мира, что случилось?

Она сглотнула. Зрачки расширились, занимая всю радужку. Пальцы на моем локте сжались так, что стало больно.

— Лорд Кэрриан вернулся.

— Лорд Кэрриан вернулся.

Мира выдохнула эти слова мне прямо в ухо. На кухне разом стало тихо.

Пальцы Миры до боли впились мне в локоть. Я накрыла их своей ладонью и осторожно разжала. Ледяные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.